

ПОХИЩЕНИЕ РОЗИ

1

Сэм, 38-летний холостяк, продавец в магазине одежды, ехал в метро на работу. Было раннее апрельское утро, сырое и ветреное. Заняв сиденье, Сэм прикрыл глаза и прислонил голову к стенке вагона. Путь лежал долгий.

Перестук колес по влажным от дождика рельсам, разговоры пассажиров, их кашель, шелест развернутых газет, – всё слилось для дремлющего Сэма в одну звуковую мешанину, позволив ему внутренне сосредоточиться. «В воскресенье мой день рождения. Тридцать девять! В принципе, для мужчины это не возраст, у меня еще всё впереди... Что бы я хотел себе в подарок? Новые туфли? Посидеть с Розы в ресторане? Нет, все это можно иметь и так, в любой день».

Ему стало немножко досадно от отсутствия необычных желаний. «Ну-ка, напрягись, дай волю фантазии, – подзадоривал он себя. – Пусть это никогда не исполнится, но пожелай!» На ум, однако, ничего не приходило. В каком-то отчаянном порыве он весь напрягся и едва ли не закричал: «Хочу найти сто баксов!»

Следует сказать, что жадностью Сэм никогда не отличался, хоть и был бережлив, старался жить по средствам. Своим положением продавца в магазине до сих пор был доволен.

День прошел, как обычно. После работы Сэм отправился в бар, где заказал себе сэндвич с курятиной и бокал холодного эля. И вряд ли уже помнил об утренней поездке в сабвее и том странном своем

желании. После крепкого пива и вкусного сэндвича, он ощутил приподнятость духа и решил пройти пару остановок пешком.

...В нескольких метрах от знаменитого бронзового быка на Уолл-стрит лежала сложенная банкнота! Сэм тут же метнулся к ней и, подхватив, сунул ее в карман. Осмотревшись вокруг и не увидев ничего подозрительного (куча туристов, облепивших бронзового быка, скучающие полицейские, восточные торговцы сувенирами с лотков), поспешил прочь.

На платформе подземки он вытащил эту найденную банкноту – 100 баксов! Ва-а-у... Он ощутил себя на вершине блаженства. «Бог, теперь я верю, что Ты со мной и что Ты можешь всё! Впрочем, чему удивляться? Ты сотворил этот мир. Что же говорить о такой чепухе, как подарить скромному продавцу магазина сто баксов?»

Почему-то ему взбрело на ум, что найденная сотка принадлежала арабу – одному из уличных торговцев сувенирами. «Да-да, арабу, не иначе. Или, быть может, какой-то рассеянный турист выронил ее из кармана. Так ему и надо, раззяве!» В своем воображении Сэм представил себе того туриста: пожилой, элегантно одетый мужчина, в очках, с зачесанными набок редующими серебристыми волосами, чем-то смахивающий на миллиардера Уоррена Баффета.

xxx

Следующим утром Сэм так же ехал в сабвее на работу. Пассажиры обсуждали последние новости, кондуктор на ломаном английском извинялся за постоянные задержки движения. Сэм полудремал на сиденье.

Блаженная, с едва уловимым презрением улыбка кривила его губы. Воображение его ожило, заискрилось благодаря счастливой находке. Словно на экране, перед его мысленным взором возникали: бронзовый бык на площадке, толкотня, а на булыжниках – стодолларовая купюра. Тут объектив телекамеры медленно наезжает, купюра укрупняется, уже различимы цифра 100 и фраза «In God We Trust». Оператор и единственный зритель в этом несуществующем кинозале, Сэм прокручивал фильм еще дальше и уже в следующей серии видел себя миллиардером, другом и бизнес партнером Уоррена Баффета...

Против обыкновения, он решил шикануть: купил себе дорогой элегантный костюм. А вечером пригласил Розу в роскошный ресторан на Бродвее, где подавали устриц с лимоном и шампанское во льду. Нежно рокотала гитара. Они шутили, смеялись и строили планы провести на Гавайях предстоящий медовый месяц.

Прошлая жизнь Сэму теперь казалась чрезвычайно серой. Он чувствовал себя исполненным решимости совершать самые дерзкие поступки. «Я верю, что на мою голову вот-вот прольется золотой дождь. Всё, хватит прозябать в мышиной норе! Пора меняться».

xxx

Правда, он не знал, каким образом на него этот золотой дождь прольется и с чего ему нужно начать кардинальные перемены. Пока же, на всякий случай, он решил внимательно разглядывать всё, что валяется на асфальте. «А вдруг это и есть мой путь к богатству?»

В скором времени разглядывание уличного мусора переросло у него в привычку. Но удача явно была не на его стороне – за месяц он нашел лишь пару долларов и десяток другой центов!

С Розы он встречался всё реже. Ведь ужины в ресторанах, эти гавайские гитары, луна и розовое море, мой друг, по сути – такая чепуха. Всё свободное время отныне он посвящал поискам.

Важной вехой его вползания на гору богатства можно считать тот день, когда он стал заглядывать в мусорные урны, ибо и там тоже могли быть деньги. Сэм возвращался с работы, быстро облачался в старье и отправлялся на поиски.

Но удача словно отвернулась от него! Сумрачный, полусогнутый, он упрямо ходил по улицам блестящего города, внюхиваясь и вглядываясь в лежащий мусор. «Как же так?! Город с многомиллиардным бюджетом – и нигде нет денег?..»

Как-то раз он увидел Розы, вышедшую из подъезда незнакомого дома. Сэм едва не вскрикнул от ужаса. Они наверняка столкнулись бы носами, не наклонись он тут же к близстоящему мусорному баку так низко, что едва не уткнулся лицом в коробку из-под пиццы.

К счастью, Розы его не заметила, вернее, не признала его в ободранце, нырнувшем в мусорный бак. Как назло, она остановилась рядом, наверное, что-то доставала из сумочки. Сэму пришлось так стоять – полусогнутым, задом к своей пассии – и слушать, как грохнула наружная дверь дома, а потом какой-то мерзкий мужской баритон спросил у Розы, не придет ли она к нему и завтра. И эта, извините, блядь сказала, что подумает, но не уверена, так как у нее на завтрашний вечер иные планы.

Сэм сжимал от гнева кулаки и, если бы не экстравагантность его положения, наверняка бы задал трепку обладателю того баритона. Однако ему пришлось нести всю эту муку молча. Лишь когда их разговор закончился, стук каблучков Розы по асфальту удалился, а наружная дверь захлопнулась и наступила тишина, Сэм, наконец, распрямился, утер с лица слезы и кетчуп.

Всё, конец безумию! Он помчался домой и надолго исчез в ванной. Безжалостно, до кровавых пятен, тер себя мочалкой. Потом выбросил тряпье, в котором по вечерам ходил по городу в поисках денег.

Лег на диван и сладко потянулся. Умиротворение. Благодать. Ему не нужны никакие миллионы. Он будет жить, как жил. Будет ездить на работу в метро, а не летать каждый день в самолете на бизнес встречи с Уорреном Баффетом. А самое главное – сделает Розы предложение, она не сможет отказать...

Он прикрыл глаза, забывшись в сладкой полудреме.

Необычное видение явилось ему вдруг: на брусчатой площадке возле Уолл-стрит стоит красавец-бык. Неожиданно бык заревел и затопал копытами. Перепуганные, шарахнулись в рассыпную туристы, переворачивая торговые лотки. Толстозадые полицейские, вытащив пистолеты, растерянно побежали следом за всеми, зачем-то свистя.

А бычина мотнул головой и вдруг... начал гадить долларами. Он вываливал лепешку за лепешкой – новенькие, гладкие, только из-под печатного станка. При этом нарастала мощная пушечная канонада, которую сменяли пулеметные очереди, причем и пушки и пулеметы определенно стреляли из одного места.

Сэм вскочил с дивана и, как был – в одних трусах, выбежав на улицу, помчался к метро, чтобы ехать к быку на Уолл-стрит...

2

На одном из рабочих заседаний, которые регулярно проводятся в психиатрическом отделении госпиталя N, разгорелся жаркий спор. Два ведущих психиатра нападали друг на друга. Все присутствующие в зале с интересом наблюдали за их поединком.

– Бред у пациента возник не из-за денег как таковых, а из-за *идеи* денег. Сам факт, что сто долларов можно заполучить с ходу, не приложив к тому ни малейшего усилия, не пролив ни капли трудового пота, а просто – как дар небес, – такой внешний импульс может очень сильно повлиять на натуру психически нестабильную, – утверждал доктор Коган. Он постукивал тупым концом ручки по столу, на котором лежала раскрытая папка с делом больного.

– Ваше толкование, коллега, весьма любопытно. Но давайте оставаться в рамках исключительно психиатрии, ведь мы же не философы, – кольнула его доктор Шульц. – Все дело в том, уважаемый коллега, что вы неправильно поставили пациенту диагноз. У больного не депрессия, а типичный маниакальный синдром.

Многие из присутствующих знали о давней вражде этих двух психиатров. Война за первенство в отделении между ними велась с переменным успехом, нужно заметить, к радости зав. отделением, который подливал масла в огонь, занимая сторону то одного врача, то другого.

– Позвольте вас спросить, – продолжала наступать доктор Шульц. – Чем же вы тогда объясните паранойю пациента? Почему он боится покидать свою палату? Недавно я с ним побеседовала. Так вот, он признался, что боится двух наших пациентов: Раджа и Никифороффа. Он уверен, что эти двое готовят на него покушение. Якобы Радж – это подсланный уличный торговец сувениров на Уолл-стрит, а Никифорофф – переодетый миллиардер Уоррен Баффет. «За что же они хотят вас убить, батенька? Что же вы им такого сделали?» – спросила я. Но он уклонился от прямого ответа и ушел в свой навязчивый бред про быка и деньги.

– Доктор Шульц права. Нужно назначить больному внутримышечные инъекции, – изрек зав. отделением, разрешив спор.

Побежденный доктор Коган досадливо засопел и захлопнул папку.

xxx

В длинном коридоре почти никого не было. За столом, неподалеку от лифта, двери которого были затянуты раздвигаемой железной решеткой, сидел дежурный. Играл в покер на мобильнике.

Сэм равнодушно посмотрел на дежурного и, получив от него вопрошающий взгляд, мол, чего тебе? – поплелся дальше. Короткие штаны его синей пижамы открывали худые лодыжки. У одной из палат сидел могучий санитар, охранявший новеньких, буйных.

Дойдя до конца коридора, Сэм недолго постоял у зарешеченного окна и, тяжело вздохнув, направился обратно. До его палаты оставалось совсем немного, как вдруг...

Неподалеку от лифта лежал на полу пожеванный доллар. Наверное, кто-то из посетителей обронил его, когда ожидал лифта и рылся в своих карманах или сумочке.

Как всякий опытный пациент психиатрички, наученный мелким, но весьма важным техническим приемам, Сэм не ринулся очертя голову к деньгам. Он снял тапочек с одной ноги и, как будто что-то из него вытряхивая, делал незаметные шажки вперед. Затем наступил на банкноту босой ногой, наклонился и... через минуту уже входил в свою палату, сжимая в кулаке добычу.

Его сердце бешено стучало. Он лег на кровать и, повернувшись лицом к стене, чтобы не было видно из коридора, разгладил банкноту и крепко чмокнул ее.

«Куда же ее спрятать? Под матрас? Но утром смена белья, санитарка, чего доброго, захочет все перетрясти и поднимет матрас». Сэм хитровато улыбнулся, будто бы разгадал замысел коварного врага. «Н-да, нужно хорошенько подумать. Впрочем, спешить некуда, времени до утра еще предостаточно».

Улегшись поудобней, он принялся размышлять, как же ему распорядиться деньгами. Первой мыслью было купить женщину и насладиться ее любовью. Любые флирты, тем более секс, в психиатрическом отделении строго запрещались, за это наказывали, да и девушки тоже бесплатно не давали. Но теперь ему не откажет ни одна из секс-бомб отделения: ни чернокожая Хелен, ни светлокудрая Даниэла. «Доллар – это сила, перед ним не устоишь. Может, поиметь сразу их обеих?». Он покажет им доллар – в качестве аванса, остальные пообещает дать потом. Естественно, никаких других денег он им не даст, откуда им взяться? Но и жаловаться на него, устраивать сцены

девушки тоже не станут – он ведь их не насиловал, а за добровольный секс накажут всех одинаково.

Однако иная, более благоразумная мысль пришла ему на ум: пустить доллар в оборот. «Дам деньги Меиру из третьей палаты, – думал Сэм, закинув руки за голову на подушке и вытянув ноги. – Меир биржевой брокер, имеет миллиард в биржевых акциях. Пусть он поместит и мой доллар в рискованный фонд биржи, под сто процентов!».

– Пациент, к вам пришли.

Вздрогнув от неожиданности, Сэм оторвал голову от подушки и уставился на дежурного в дверях, не веря, что тот обращается к нему. Он ведь никого не ждет.

– Вставай. К тебе гости.

«Накрыли! Я же знал, что это проверка! Они меня испытывали и специально подбросили доллар. Теперь меня здесь оставят еще на месяц! Снова будут колоть эти жуткие болючие уколы!» Образ доктора Когана словно возник перед ним: «Что ж ты так, голубчик? Лечили мы тебя, лечили, а ты – опять за старое...»

Подкравшись к открытой двери, Сэм высунул голову из палаты. Роза! В джинсовом костюме, облегающем ее стройную фигуру, она стояла в коридоре, ожидая его у входа в комнату для свиданий.

Сэм ринулся назад, в палату. «Роза!.. Гавайская гитара, море, луна... Стыдно, Боже, как стыдно! Сейчас она увидит меня в этой ужасной пижаме, небритого, сумасшедшего...» Он ощутил, как стыд огнем заливает его лицо. Он заметался по палате, стал рвать на себе волосы, пару раз ударил головой в стену.

От этих ударов у него в голове как-то помутилось, он замер и... неожиданно почувствовал, как таинственным образом в него вошла сила некоего могучего прекрасного животного. Он обнаружил, что весь покрывается золотистой шерстью и на спине у него вырастают крылья.

Минуту спустя из палаты Сэма вылетел белый крылатый бык! Бык подлетел к Розе, легко подхватил ее на спину и, протаранив рогами окно с решеткой, вылетел на свободу.

А в палате Сэма на полу валялся скомканный доллар и пластиковый браслет с номером пациента.